

12 ФЕВ. 42

Дети Лютфи Сарымсаковой

Двигаясь на запад, Красная Армия вырывает из лап смерти тысячи детей, пострадавших от зверств фашистов, осиротевших в результате фашистского террора. Советская страна приняла сирот в свою семью, как родных. Тысячи обездоленных немецкими варварами детей находят тепло и ласку в детских домах, яслях. Недавно мы опубликовали письмо командира-дальневосточника П. Безносикова, пожелавшего взять на воспитание ребенка, пострадавшего от фашистского террора. Мы писали о благородном поступке работницы Московской фабрики «Красный богатырь», принявших в свои семьи осиротевших детей. Этот пример находит все более широкий отклик среди советских патриотов. Мы знаем, что в эти дни в десятках сел, городов рабочие, колхозники и служащие хлопчут о том, чтобы им разрешили взять на воспитание обездоленных фашистами детей. Сегодня мы печатаем корреспонденцию из Ташкента, рассказывающую о большой человеческой любви к детям.

Женщина в яркой тюбетейке низко, по-восточному присела на корточках. Так удобнее разговаривать с малышами. Говоришь с ними, и они видят в тебе сверстника. Им не надо поднимать вверх глаза. Женщина осторожно дотронулась рукой сначала до плеча мальчика, потом до руки девочки и сказала певуче, чуть ломая простые русские слова:

— Хотите домой, дети?

Домой! От этого слова веет живым теплом. Нежный привет матери, скупую, мужественную ласку отца слышит в нем детское сердце. Да, они хотят домой и сейчас же, немедленно. И вот уже в руках женщины трепещущие детские ладошки. Все трое сбегает вниз по лестнице.

Торопливо идут мать и двое ее новых детей к дверям родного дома. Все спуталось в жаркую минуту этой встречи. Хотела выбрать мальчика с черными глазами и прямым носиком так, чтобы походил немного на новую мать и отца, а взяла мальчика и девочку — сына и дочь сразу, смешных, белокрысыных, голубоглазых, курносых.

Лютфи Ханум Сарымсакова, рассказывая об этом, плачет и смеется. Много горю, много славы за спиной этой невысокой, стройной женщины с орденом Трудового Красного Знамени на груди. Детство ее было обездолено. Лютфи Ханум Сарымсакова некогда собирала хлопок с байского поля, а ныне стала знатным человеком, знаменитой артисткой, чье имя и голос любят и знает весь Узбекистан.

Может быть, особое счастье выпало на долю Кати Даниковой, девочки из Донбасса, и Шурика Шелушеникова — маленького москвича. Бомбильную песню над ними поет соловей Узбекистана — Лютфи Ханум Сарымсакова — народная артистка Узбекской ССР.

Лютфи Ханум Сарымсакова, народная артистка, одна из первых явившаяся в детский дом, чтобы взять на воспитание эвакуированных ребят, потерявших своих родителей, выразила желание сотен лучших людей Узбекистана. Мы застали в детском доме колхозника из далекого горного кишлака. Свежее душистое сено, тепло одеяло были припасены в его арбе, чтобы мягко и тепло было в пути неизвестному сыночку. В детский дом пришел конюх узбек. Он потребовал себе сына белоруса или украинца. В этом доме побывал знаменитый ученый, осмотрел детей и взял самую слабую, больную девочку, пораженную тяжелой кожной болезнью.

— Вот это славная девочка, — сказал знаменитый ученый. — Я ее вылечу.

Надо проявить много любви, чтобы ребенок почувствовал себя в чужой семье, как в своей, в чужом доме, как в родном жилище. И эту любовь и нежность находят в себе в полной мере советские патриоты, люди различных положений и возрастов, артисты и конюхи, ученые и колхозники, движимые одним общим желанием — вернуть детям, потерявшим родителей, заботу отца, ласку матери и тепло семьи.

На дальней тихой улице Вилоят в низеньком восточном домике, где живет Лютфи Ханум Сарымсакова, Катю и Шурика встретили очень ласково. Им отвели место у сандала — маленького комнатного очага, угостили виноградным соком, кишмишем, орешками — любимыми лакомствами узбекских ребятишек. Им притащили книги, рассказали уйму цветистых, как сад, узбекских сказок. Но долго еще молчала Карамат — так называли здесь Катю. Шурик, названный в новой семье Шавкатом, не скоро спел свою первую песенку новым матери и отцу. По ночам плохо спала Катя. Ей снился крылатый стальной хищный зверь — фашистский самолет. Он подбил их поези, ухаживший в глубокий тым. Но вот прошел день, другой, и ребята отошли, отогрелись. Так изморозь, покрывающая окна, тает от солнечных лучей. Шурик уже нарисовал свой новый дом на улице Вилоят.

— Ое, — сказал он Ханум. — Вот посмотрите, что я нарисовал. (Ое — по-узбекски значит мама).

Этот мальчик уже нашел свой дом. Ознамты Сарымсаковой сказали: кончится война, из далекого Донбасса приедет отец за маленькой Карамат, мать приедет за своим Шавкатом, а они прирастут к твоему сердцу, больно тебе будет, Лютфи Ханум.

— Они уже приросли к моему сердцу, — отвечает Ханум. — Расставание будет грустным, но разве я не приобрету друзей в отце Карамат и матери моего Шавката, брата и сестру, родных и близких?

И на этот раз Лютфи Ханум Сарымсакова, народная артистка, выразила чувства лучших людей своего народа, по кровлей которых уже нашли свой отчий дом сотни ребят из-под Курска и Смоленска, Одессы и Киева.

Е. МАР.

Ташкент.